

С. С. Кирд
Т25

К. ТАШБАЕВ

ВРЕМЯ— СКАКУН

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

Колич. предыдущ. выдач. _____

Заказ 2382. Тираж 1.000 000

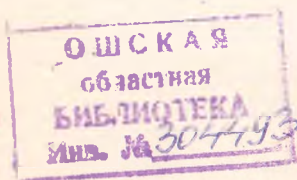
КАРМЫШАК ТАШБАЕВ

Скирт
T25

ВРЕМЯ— СКАКУН

СТИХИ

Перевод с киргизского
Владимира Шлёнского

ФРУНЗЕ
«КЫРГЫЗСТАН»
1981

ХИЩЕНИЕ

84 Ки7

Т 25

Ташбаев Кармышак.

Т 25 Время—скакун: Стихи /Пер. с кирг. В. Шлёнского.— Ф.: Кыргызстан, 1981.— 68 с.

Кармышак Ташбаев — представитель среднего поколения современных киргизских поэтов, автор нескольких поэтических сборников на родном языке. Стихи К. Ташбаева наполнены ярко выраженным гражданственным звучанием, в них чувствуется живой, искренний интерес к современности.

«Время — скакун» — первая книга поэта на русском языке.

• 70403—196
Т М 451(17)—81 200—81.4702280200

С(Кирг.)2
ББК 84Ки7

Рецензент Никитенко А. И.

Ф) Издательство «Кыргызстан», 1981 г.

КИРГИЗСТАН

Твой путь издревле тянется,
Отчизна,
среди гор,
долин,
среди солнца
и снегов.
Ты испытала праздники
и тризны.
Твои кочевья тают среди веков.
Ты, как обломок сабли
гунпов диких.
Ты — камень
из седых глубин эпох...
Не знала ты
годов беспечно-тихих,
твой зов
в крови потомков
не заглох!
Не затерялась ты
в крошечном мраке,
сквозь толщу лет
прорезалась на свет.
Из древности
летишь на аргамаке,
в историю впечатывая след.

Прошла ты смерть,
огонь,
порабощенье...
Но не сломил твоёй души
полон.
Тебя спасала храбрость
от паденья
в удушливой туманности времен...
Сегодня Киргизстан мой
стал моложе.
Я вглядываюсь в карту
над столом —
на голову коня она похожа,
летящего вперед
с раскрытым ртом.
В своём пути,
отчаянном и долгом,
нашли мы в братстве
счастье и покой.
Нас окрыляет нынче
чувство долга
перед планетой
и перед страной.
Мы сбережем планету от пожара,
от разрушенья
и от новых ран.
Ведь мы —
шестая часть
Земного шара,
в которой жизнь обрел
мой Киргизстан!

НОЧНЫЕ РАЗДУМЬЯ

Эти дни,
как деревья,
нам дарят плоды
за труды.
Я хочу,
чтоб не знали беды
люди нашей планеты,
согретой трудом,
чтобы замерли пули
в полете своем...
Если все-таки грянет
пад миром война,
то оружие,
знаю,
вручит мне страна.
И по гари,
по горю,
по черному дню
я уйду защищать
и страну,
и семью.
Если я упаду
на сожженной земле,
что оставлю стране?
Что оставлю семье?
И жене,
и стране
я оставлю детей —
двух своих дочерей,
двух своих сыновей,
младших братьев,
которым подмога нужна...
Будет долгой зима.
Будет поздней весна...

Чтоб не познали вранной
жестоккой пойки,
чтобы жаравон не слышать
и почной тишине,
чтобы детим расти,
и хлебам пааренать,
люди мира,
должны мы
наш мир отстоять!

СНОВА ГОРЫ

С. Джусуеву

Сияют горы чистотою рек...
Когда я возвращаюсь в горы эти,
то впитываю молодости бег
с зеленою весною на рассвете.
Кто возмужал средь золотистых гор,
тот знает цену им до самой смерти.
И родников звенящий разговор
вошел в сердца их навсегда, поверьте.
Здесь бродят бесконечные стада,
и птицы рассыпают звон повсюду.
Приходит, солнце раньше всех сюда,
и позже всех скрывается отсюда.
Здесь резвый аргамак свой бег вершит,
дни, как комки из-под копыт, рванулись...
И лунные лучи между вершин,
как струны у комуза, натянулись.
Здесь к дальним звездам мальчики идут
извилистой, как молния, дорогой.
И девушки намазывают тут
свой волос лунной полосой широкой.
Протягивают руки к облакам,
объятья заполняют облаками.

Хватает дела молодым рукам —
и шелк, и шерсть прядут,
присев на камень.
Здесь искренен речей речитатив.
И жест, и взгляд тут простотою дышат.
И, карандаш о камень наточив,
чабан о счастье откровенно пишет.
Здесь в разговоре шутят старики.
И жизнь идет по заданному кругу.
И дети нежный жемчуг у реки
пригоршнями бросают друг на друга.

ОБЯЗАННОСТЬ

Глубины... В них мое раздумье тонет.
Все смысл обретает и следы...
Яйцо орла держу я на ладони,
но не желаю я птенцу беды...
Поэт бывает одинок на свете
и учится любви у лебедей.
Пусть колыбельную споет он детям.
Пусть возвеличит он богатырей.
Пока он ждет любви, и сердце стынет,
пускай слова красивые найдет.
Садовнику споет пусть о пустыне.
Скупому пусть о щедрости споет.
Пусть на родной земле восславит скалы,
что приучили к высоте орлов.
Пускай поддержит слабых —
их немало,
и даст бескрылым крылья смелых слов.
Пусть обо всем расскажет понемногу...
Летят мгновенья, не вернуть их вспять.
Его стихи звездою над дорогой
для всех людей обязаны сиять.

К высотам этим люди тянут руки,
стремясь душой к спасительным огням.
Живет поэт.
Все радости и муки
он делит с этим миром пополам...

КОГДА Я ЕХАЛ В ГОРЫ

Еду в горы.
Далека моя дорога.
Горы ждут меня средь праздников и буден.
На дороге этой остановок много,
в сердце каждая отметиною будет.

Мчит упрямо
наш автобус только прямо.
Кто-то курит.
Кто-то спор ведет о главном...
Почему-то вспоминается мне мама,
дым из юрты, поднимающийся плавно.

Впереди холмы.
Над ними неба просинь.
Укрывает лес листвою тропы лисьи...
Золотистую я вновь увижу осень,
и услышу капли, бьющие по листьям.

Русла рек в ущельях замерли в тревоге.
Мир изменчивый в меня вселился сразу.
Стебли хлопка, что засохли у дороги,
так похожи на неискренние фразы...

Облака над перевалами повисли.
Я устал.
Мотор скулит, рычит и злится...
И, как листья, надо мною кружат мысли.
То печалится душа, то веселится...

ГОЛОС ЗЕМЛИ

Я — мать.

Мне пришлось тебя в муках рожать.

Я пеленала тебя то ветрами, то снегом.

Я — мать.

В зной умела я влагу давать,

твердой опорой была я

под сумрачным небом.

Я, мать,

помогла тебе на ноги встать,

главной дорогой была,

хоть порой и не гладкой...

Я — мать.

Все тебе я стараюсь отдать —

нивы

и пашни,

сады

и плоды —

без остатка.

Я — мать.

И печали моей не унять —

сколько несчастий людских

я взвалила на плечи.

Я — мать.

Войн промчавшихся не сосчитать.

В шрамах я вся

от снарядов,

штыков

и картечи...

Я — мать.

Сколько вьюг мне пришлось испытать...

Груз непосильный

я с грустью извечно таскаю...

Я — мать.
Я хочу тебе нынче сказать:
«Сын мой разумный,
с огнем не играй,
умоляю!»

ОДА РОДИНЕ

Дала ты все, что нынче есть во мне —
и землю, чтобы я расправил корни,
и сердце, чтоб не сбился я во мгле
и к цели шел решительней, упорней.

Со мной делилась щедростью садов
и белизной весеннею туманов,
чтоб силу взял я от твоих плодов,
чтоб крепким стал я от твоих буранов.

Дарила горы, города, сады.
И белое и черное открыла.
Дала озера, полные воды.
И для любви мне крылья подарила.

И сразу стала жизнь моя свстла,
и даль открылась предо мной без края.
Не перечислить все, что ты дала.
Чем я с тобою расплачусь — не знаю...

Как быстротечны жизни нашей дни.
Где б ни были — ведь ты повсюду с нами.
Что стоят обещания?
Они —
слова...
А я хочу платить делами.

Над нами полог неба голубой.
Как вестники времен, мелькают птицы.
Все лучшее, что мне дано тобой,
я приумножу и верну сторицей.

ЧЕЛОВЕК. ЗЕМЛЯ. БУДУЩЕЕ.

Сокращая пространство и время,
ускоряются наши шаги.
Зреет тайны великое семя,
и к познанию пути нелегки.

Ведь недаром ракета взмывала
и летела в космической мгле...
Но серьезных вопросов немало
остается решать на Земле.

Голод в прошлом заковывал души.
Разум мы отдавали войне...
Мысли наши должны быть в грядущем,
а не только в сегодняшнем дне.

Все, что отдал — сторицей вернется,
коль на щедрость в труде ты готов.
Ось земная скрипит, но не гнется
и вращает огни городов.

Ала-Тоо заветная кромка
промелькнет без туманных завес...
И радеет Земля о потомках,
раздвигая пространство небес.

Разум наш не имеет преграды.
Пусть же он сохранит тишину.
Нам Земля — колыбель,

и не надо
затевать в колыбели войну.

Мы покинули нашу обитель.
Но от Родины милой идали
космонавт на далекой орбите
познает притяженье Земли.

В черный Космос взлетает ракета
аргамаком с горящим хвостом,
и большое понятие — планета,
превращает в понятие — дом.

ВЕЧЕРНИЙ ПЕЙЗАЖ

Уставшее солнце
сияет уже не в зените,
а в сторону гор,
на ночлег собираясь,
плывет.
Но в длинные иглы его
золотистые нити
заправлены ловко —
вы будто впервые взгляните —
и вышивка вдруг
на подоле земли
расцветет...

Дарило прощальное солнце
по алой косынке
вершинам вечерним.
Почудилось — горы горят.
И отсвет пожара,
в алмаз превращающий льдинку,
закутал окрестность

мерцающей
призрачной дымкой...
Глаза ослеплял мне
безудержный этот закат.

Но, вскоре,
подарки свои дорогие срывая,
растаяло солнце,
закончив дневные дела.
Над белой вершиной
повисла звезда зоревая,
как девичий бантик.
И тучей его укрывая,
вершина
смолистые косы свои
расплела...

СЕРДЦЕ ПЛАНЕТЫ

Помолодели наши старики.
Есть юные,
что стариков старше.
Век ускорений.
Смыслу вопреки,
торопимся...
Куда ж еще быстрее?
А время,
как величественный маг,
порой за миг
подарит озаренье.
И вот уж к звездам сделан первый шаг,
плоть невесома,
а душа — в смятенье...
Хоть молод мир
и свеж, как лепесток,

хлебнул и дыма он, и керосина.
Ведь, как бумажный
тоненький листок,
от атома сгорела Хиросима...
«Нет века без потерь...» —
гласит молва.
Неужто жизнь сгорит,
как сигарета,
и будет эта формула права,
и пульс затихнет твой,
моя планета?
Ты, человек, — творец,
но и — боец
за все живое.
Нынче стало ясно,
что мы должны отдать
весь жар сердец,
чтобы планеты сердце
не угасло...

МОЯ ЭПОХА

Моя эпоха — счеты, пересчеты
и уточнения возраста Земли.
И ради жизни
в жизни есть заботы —
пока что мы планету сберегли.
Моя эпоха — это измерения
путей,
что завтра ожидают нас.
Далеких звезд спокойное паренье
отражено в колодцах наших глаз.
Моя эпоха — это боль и радость,
громадный город,
тихий уголок.

Моя эпоха — разноцветье радуг
и разума нетленный огонек.
Моя эпоха — это кровь по жилам,
несущая издревле ответ звезд.
Из тысячи веков она сложилась,
из миллиона промелькнувших верст.
Моя эпоха...
Молодость и сила
помножена на мудрость давних лет.
Страх прошлого она в себе вместила
и завтрашних надежд великий свет.
Моя эпоха — поиск откровенья,
шаги саженьи в светлое,
вперед.
Жизнь зародится там,
где было тленье.
Жизнь — птица Феникс.
Вечен наш полет.
Летит планета.
Сердце бьется чаще.
Летит планета.
Солнце — по траве...
И тысячи открытий величайших
таятся в ее круглой голове...

ЧТО — БОГАТСТВО?

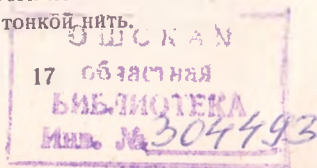
Что нам всего нужнее?
Что — богатство?
Нам нужен мир,
чтоб жили без тревог.
Нужна нам песня мужества и братства,
мысль светлая,
как чистый ручеек.
Нужны друзья,

что в черный час не бросят
и не забудут в самый светлый час.
Пусть древо жизни
вечно плодоносит
и радостью одаривает нас...
Нужна любви нетлеющая сила.
Нужны сады,
что рвутся к небесам.
Чтобы душа прозрачность сохранила,
необходимы честь и совесть нам.
Нужны дороги,
горы,
перелески,
прозрачный воздух,
синяя вода,
желанный посвист птиц
и рыбы всплески,
чтоб молодыми были мы всегда.
Бывает, дни летят быстрее мысли.
Бывает, дни, как сумерки, длинны.
Над нами звезды вечные повисли,
они пока отчетливо видны...
Моя страна уверенно и дружно
шагает к цели пламенной своей.
Я перечислил многое,
что нужно.
Но Родина для нас —
всего нужней!

ИССЫК-КУЛЬ

Ветры с ближних гор подули,
разгоняя облака.
Я спросил об Иссык-Куле
у седого старика.

Мне старик ответил ясно:
«То — не озеро,
мой друг,
то — упал янтарь прекрасный
у красавицы из рук...»
Я решил проверить слухи.
Я опять спросить рискнул
у морщинистой старухи,
что такое Иссык-Куль?
Оглядев родные горы,
мне ответила она:
«Это плещут слезы горя,
что оставила война...»
Я к ученому,
чтоб снова
точный получить ответ,
важное услышать слово —
сколько Иссык-Кулю лет?
Он сказал:
«Никто бывшего
точно знать не может,
нет...
Ты спроси у Ала-Тоо,
сколько Иссык-Кулю лет...»
Звезды в озере тонули
и тянули, что есть сил...
«Что таятся в Иссык-Куле?» —
я колхозника спросил.
Подперев ладонью скулы,
он сказал:
«Богатств не счесть,
что таятся в Иссык-Куле...
Все в нем
для здоровья есть!»
Тянется дороги лента
и тропинки тонкой нить.

У знакомого студента
я теперь решил спросить.
И ответ его был точен.
Он ответил без труда:
«На глаза любимой очень
Иссык-Куль похож всегда!»

ЖИЗНЬ

На скалах много троп алмазных.
В горах вершин немало разных.
И время несколько слоев
оставило на лицах наших.
Взгляни-ка на юнцов вчерашних —
укрыл их
седины покров...
Пересекая
параллели,
мы движемся к заветной цели.
Дороги новые сумели
мы в бесконечность устремить.
Настойчивы.
Живем сгорая,
пронгрывая,
побеждая.
И, днсь заветных ожидая,
мы тянем жизненную нить.
Порой тревоги ветер воет.
Закон природы —
жить до тла...
И молодость моя,
как воин,
навек в сражение ушла...
Стремительно летят дни жизни,
прессуясь в долгие года.

Когда бы не любовь к Отчизне,
я стал бы нищим навсегда.
И годы оставляют меты.
Хоть эти меты нележки,
мы надышаться жизнью,
светом
не можем,
словно игроки...
Горят таинственно и ясно
над нами звезды в темноте.
Чтоб ни было,
но жизнь прекрасна
в своей случайной простоте.

О ЗЕМЛЕ

Планета — бесконечная наука,
клубок побед
и бед,
добра
и зла...
Всему живому радость,
свет
и муку
вложила в душу
и навек зажгла...
Скажите, зацветет ли вновь пустыня?
Сгибая спину,
трудится старик.
Деревья корни крепкие пустили,
от завязей склонились ветки в миг.
Нет,
старцу зимы не согнули спину.
Весна взлетает радостным птенцом.
Земля — тандыр.

Мы месим эту глину.
Как солнце,
кумачевый хлеб
печем.
Земля себя проверила на прочность,
и Родиною наделила нас.
Она кружится,
соблюдая точность,
скрывая простоту свою подчас...
Я слышу —
голоса летят сквозь Вечность.
Мне никогда не разлучиться с ней.
Мне от земли родимой не отречься,
ведь дерево не может без корней.
Без Родины и ворон обездолен.
И птичья боль курлыкает вдали...
Крошу созревший колос на ладони,
как золотой комок
самой Земли...
Мы голосу земли родимой внемлем,
в нем слышатся
и радость,
и беда.
Дай, век, покоя
нашим мирным землям!
Пусть будут
хлеб,
любовь
и свет
всегда!

МОЙ КОНЬ

Мчится по жизни
мой вздыбленный конь.
Скачка в глазах моих
сеет огонь.
Ветром расчесаны
грива и хвост.
Сколько промчались мы
огненных верст!
Сколько преград
на пути встало в ряд —
времени нет
оглянуться назад...
Милой Отчизны
святая вода
дарит мне силы в пути,
как всегда.
Смерти я тело отдам,
но не честь.
Жизнь, словно песню,
пропеть —
не прочесть
хочется мне.
Знай, Отчизна моя,
песней уйду я
в родные края.
Пусть же глаза мои
в скачке горят.
Времени нет
оглянуться назад.
Сколько забот впереди,
сколько верст...
Мчится мой конь,
развевается хвост...

КОГДА ПРИЕЗЖАЮ В РОДНОЕ СЕЛО

Мы пьем кумыс... Смеемся и играем.
Пасется скот — в луга пришла весна...
Когда в село родное приезжаю,
мне часто вспоминается война...
Мы с братом были маленькие дети.
Мать утром уходила за зерном.
С тулупом*, где свистел один лишь ветер,
она под вечер возвращалась в дом.
Мне страшно вспомнить это лихолетье.
Как в школе жадно ждали мы звонка. —
И я, козленка отгоняя плетью,
пытался сам напиться молока...
Во мне воспоминание не гложет
о том, как я айран возил в страду.
Бывало так — чанач** в дороге лопнет,
и вол сбежит куда-то на беду.
Но люди, сполоснув чанач водою,
напившись,
не ругались никогда...
Я жил в обнимку с горем и бедою.
Но общая в стране была беда...
Сегодня плавно я на «Волге» еду.
С друзьями пью восторженный кумыс.
Веду неторопливую беседу,
и камешки бросаю сверху вниз...
Взлетает песня без конца и края,
Пасется скот — в луга пришла весна...
Когда в село родное приезжаю,
мне часто вспоминается война...

* Ту л у п — небольшой кожаный мешок.

** Ч а н а ч — национальная посуда для молочных
продуктов, изготовленная из козлиной шкуры.

ВОСПОМИНАНИЕ ФРОНТОВИКА

Я споткнулся,
В траву упав.
Остальное не помню точно.
И по трубочкам сизых трав
кровь моя убегала в почву...
Накатился туман в глаза.
Небо маревом затянуло.
Час лежал или два часа?
Кровь стекала по впалым скулам.
Между жизнью и смертью путь
не велик,
Не найти границы...
Я очнулся.
Давило грудь —
значит жив!
И разжал ресницы.
И вскочить хотел сгоряча...
Гинт.
Селдатское одеяло...
Словно жизни моей свеча —
медсестра надо мной стояла.
Улыбнулась, мол, будешь жить,
ты ведь крепкий и стойкий парень...
Пусть сурова памяти нить,
но зато крепка эта память!
Лишь один сапог с той поры
я ношу...
Но жива пехота!
Это фото — не медсестры,
а сестры моей милой фото...

ВСТРЕЧА С РОДНЫМ КРАЕМ

Салям тебе, родимая земля!
Частенько по тебе тоскую я.
Давным-давно я от тебя уехал
учиться жизни в дальние края.

Песком меж пальцев время утекло.
Но не забуду я тебя, село.
Я щедрости душевной научился
в степи, в которой было мне светло.

Я у морей учился глубине.
Прозрачность родника живет во мне.
Любезности я у людей учился.
А силу черпал на родной земле.

Меня ребенком провожала ты,
желала, чтоб не встретил я беды.
На лбу моем умножились морщины —
все это жизни прожитой следы...

Как долго не был я в родном краю.
Но не забыл дорогу я свою.
Я вечно помню о твоих объятьях.
И вот седым перед тобой стою.

Джигиты тех ребяческих годов
сегодня правратились в стариков.
Печально мне, что так давно здесь не **был**.
И в этом нынче каяться готов...

Гремят машины, словно дальний гром.
Кварталы встали новые кругом.
Ведь ко всему неумолимо время —
снесен под корень мой старинный дом.

Крыло эпохи нашей не согнуть.
От дней, что ожидают, не свернуть.
Цветы принес я на могилу мамы...
Теперь пора и мне в обратный путь.

Прости, прощай, родимая земля!
Тоску в душе не смог осилить я...
Куда б судьбою я заброшен ни был —
я твой навеки, ты навек моя!

ЖАВОРОНОК

И солнце село.
И угас огонь.
И сел он на землю
величиною с ладонь.
И ночь
величиною с ладонь
его укрыла.—
Его не тронь...

Рассвет распоролся,
разгоняя дымку.
Проглотил он свет
величиною с росинку.
Лучи рассветные пролились,
и тут же он устремился ввысь.

Дробил мелодию он на части.
И сыпал людям ее,
на счастье.
Клюв его
дудочкой стал чудесной.
Так он создал сегодня песню...

ЕСТЬ ЛЮБОВЬ!

Любовь воспеть — мисе вечность нужна
и многоязычный взлет...

Ведь вместе с сердцем она рождена,
и вместе с сердцем умрет...

И дни без любви и ночи пусты,
безрадостны все дела.
Тускнеют краски и вянут цветы,
если любовь прошла.

Весна без любви — на подошвах снег,
все замерло, не дыша...
Пока есть любовь — есть человек,
и птицей бьется душа.

Покуда люблю я — значит живу,
не страшен ни тлен, ни лед...
Любовь деревьям дарит листву,
а людям крылья дает.

Любовь немому подарит речь,
безногому даст коня.
Любовь способна камень рассечь,
оржечь сильнее огня.

Она поможет осилить боль.
Звездою вспыхнет во мгле.
Но всех священной одна любовь —
к милой своей земле.

ОДА СЕРДЦУ

Сердце, сердце, кто тебя поймет?
Что в тебе за сила притаилась?

В венах кровь свершает свой полет.
Сердце, ты еще не притомилось?
Беды и победы сквозь тебя,
словно ток через мотор, проходят.
Я живу, страдая и любя,
все во мне, что есть в моем народе...
Милых глаз нечаянный укор
я переживаю, словно драму.
Все пути, что в жизни я прошел,
четко отразит кардиограмма.
Сердцем, как локатором, ловлю
эту жизнь.
И не могу иначе.
Сердцем ненавижу и люблю.
И от сердца и смеюсь, и плачу...

Жизнь летит, как сильный аргамак,
к финишу, к последнему итогу.
Если я устал от передряг,
не приду к больничному порогу.
А когда замкнется жизни круг,
вы, врачи, ее не продлевайте.
Если сердце мне откажет вдруг,
вы его другим не заменяйте.
Жизнь такая вовсе ни к чему —
ведь она искусственна, недужна.
Бьется сердце.
Я привык к нему,
и другого сердца мне не нужно...

Тело знает точный счет годам.
Было в жизни горько, было сладко.
Если станет нужно, я отдам
людям это сердце без остатка.
Пусть вдыхает запахи земли.
Пусть звенит, как в поднебесье птица.

Нет предела для него вдали,
рамок нет не знавшему границы.
Сколько в сердце я вместил миров.
Сколько скрыл я разных в нем секретов.
Билось сердце в ритме главных слов
и сливалось с ритмами планеты.
И пока оно в моей груди,
пусть свободно плачет и смеется.
И не в кабинете, а в пути
пусть от перегрузки разорвется...

Сердце, сердце, кто тебя поймет?
Что в тебе за сила притаилась?
В венах кровь свершает свой полет.
Родина навек в него вселилась...

СЛОВА

Слова — есть звезды яркого огня,
на нас с небес глядящие, как очи.
Чтоб слышала любимая меня,
я соловьем пою на ветке ночи.

Порой слова текут слезой из глаз.
Ту влагу я цветку отдам по праву.
Сжимая камни, чтоб в нелегкий час
вода потоком хлынула на травы.

Когда слова ржавеют, как металл,
я начинаю чистить их до блеска.
Открой письмо — в нем все, что я сказал,
все искренне, хоть, может быть, и резко...

Растягиваю сеть, как птицелов,
чтоб шорох крыльев превратился в слово.

Ищу я сильных, словно беркут, слов,
в которых бьется суть — первооснова.

Как птицы есть слова и как свинец,
у каждого свой лёт, свое начало.
Вот слово-голубь мчится, как гонец.
Вот слово-пуля чей-то взлет прервало...

Слова имеют запах, вкус и цвет,
тона, полутона, полunameки...
Любимая впечатала в них след,
как многоточье на пустой дороге.

Есть слабость слов.
Есть сила слов во всем.
Сияет слово нежно и сурово.
Оно в грядущем и оно в былом.
Есть жизнь и смерть.
А между ними — слово.

ЗАКОНЫ ЖИЗНИ

Нет в мире безвременной смерти лютей.
Смерть с жизнью в извечной войне.
Мне хочется жить среди храбрых людей,
хоть храбрый рискует вдвойне.
Движение волны не унять ни на миг,
неведом ей мелочный страх.
Жизнь наша похожа чуть-чуть на ледник,
что медленно тает в горах...
Жемчужинам жить.
Белым птицам кружить.
И буквам печатным не тлеть.
И кронам над нами в ночи ворожить,
корням под землей не стареть...

Жить в мысли, оставленной тем, кто придет
за нами в потоке времен.
В сознание потомков продолжить полет,
коль призраком стать обречен.
Пусть слаб человек.
Только в нем не убить
той искры, рождающей свет.
Он ищет возможность хоть точкою быть
в грядущей безбрежности лет.
И годы пройдут,
и столетья пройдут —
отыщется след наш в золе.
И вечно останутся песня и труд
превыше всего на земле...
Закон этой жизни, конечно, суров.
Но он и по-своему прав...
И шепот, и шорохи наших шагов
послышатся в шелесте трав...

ДЕХКАНИН И ПОЛЕ

И дня не живут друг без друга они,
невидимой связаны пуповиной.
Пусть высветит солнце летящие дни,
пусть краски помчатся на землю лавиной!
Они от весны ждут погожего дня,
хорошего дня,
что подарит им радость.
Пусть пар поднимается,
Птицы, звеня,
пускай пролетают под аркою радуг.
Дехканин ни дня не упустит.
Он плуг
готовит,
ведь ждет впереди посевная.

А поле снега поглотило.
Вокруг
проклюнулась первая зелень живая.
А поле движенье берет
в оборот
и дни наполняет нелегкой борьбою.
Со спелой землею смешается пот,
их судьбы становятся общей судьбою.
Сурова природа.
Порой невпопад
зарядят дожди из темнеющей бездны.
И с неба летящих лучей водопад
они ожидают,
как манны небесной...
Все трудности делят они пополам,
и беды едины,
и радость едина...
Ведь хлещут дожди по лугам, по полям,
а кроме того,
и по согнутым спинам.
В руках у рабочего вижу их труд,
в руках у художника и инженера.
Ах, сколько величия кроется тут!
Не может быть хлебу священному меры.
И в космос холодный подняться он смог,
и в Арктике праздновал тоже победу...
Дехканин в руках держит хлеба кусок —
в руках своих держит бессмертье планеты!

НЕПОЗНАВШАЯ МАТЕРИНСТВА

Она заснула
при рассветной сини.
Во сне она
кормила грудью сына...

Была счастливою она
спросонок.
Но ото сна очнулась...
Где ребенок?
Но все же ярче
всех весенних радуг
подкатывала
к ее сердцу радость:
«Наверно,
будет у меня
ребенок,
глазастый,
в оперении пеленок...»
Мечта — ребенок.
И довольно ясно
ей виделись
и детский сад,
и ясли,
и магазин,
где продают игрушки.
И стало ей
и больно вдруг,
и грустно...
Вот женщина идет.
Малец в коляске.
Мать не скрывает
нежности и ласки...
И безмятежный вид
чужого счастья
рвет душу одинокую
на части...
И даже Млечный Путь
в ней горе будит —
ей молоко
переполняет груди.
она мечтает

о своем младенце,
и эти мысли
обжигают сердце.
Сады
свои плоды
качают нежно.
Безбрежна жизнь.
Мечта ее безгрешна.
И льются слезы,
словно по бумаге
сплошные
восклицательные знаки!!!

Ах, отчего, природа,
ты жестока
порой бываешь к женщинам?
За что так
наказываешь
их тела
и души —
их горе сушит,
слезы боли душат...
Как жутки
одиночества рассветы.
Мне страшно,
видя это,
быть поэтом...

РАЗДУМЬЯ

Год за годом пролетают стройно.
Сколько над землей промчалось их...
Наши предки жили беспокойно
в отсветах пожарниц мировых.
Волосы у матери седели,

горя ей пришлось сполна хлебнуть.
Аргамаки под отцом хрипели,
жизни укорачивая путь.
Здесь, в горах, задумчив даже камень,
выщербленный непогодой лет.
Слой времен,
спрессованный веками,
сохраняет мимолетный след.
Нынче жизнь моя на самом взлете.
Обращаюсь к будущим векам —
Вам, потомки, что вослед придете,
шлю от века Равенства
Салам!
Время, ты куда несешься строго?
Может, в дни, сокрытые в дали?
Минет бесконечная дорога.
Постареет летопись земли...
Время уплотняется с годами.
Скоро станем предками и мы.
Скоро затеряемся мы сами
в этих днях, средь лета иль зимы.
Оттого и рвусь познать секреты,
что покуда скрыты от меня.
Над листом склоняюсь до рассвета
зябкой ночью в отсвете огня.

БУДЬ СМЕЛЕЙ!

Чтобы узнать,
как интересна жизнь,
забудь о суете сиюминутной,
и о квартире собственной,
уютной,
и вещи наспех в чемодан сложи...
Экзаменатор — жизнь...

И сй ответ
ты подготовь.
Жил праведно?
Иль праздно?
След муравья
впечатан не напрасно...
А ты какой оставил в жизни след?
Зря не ропщи на прожитые дни.
Коль в глубине раздумий тает вера,
то прожитую жизнь свою сравни
ты с вечностью,
что не имеет меры.
Жизнь коротка.
Минувший день угас.
Дорог безмерность не окинуть глазом.
Ведь жизнь —
не только отданный приказ,
а выполнение
этого приказа.
Любовь и юность
опьянят в ночи,
и кажется,—
что все еще возможно...
Чтобы узнать,
как просто жить
и сложно,—
В ворота жизни
смело постучи!

В ГОРАХ

I

Песни падают с вершины
на равнину.
А равнины,

как картины,
для вершин...
Здесь природа,
замесив песок и глину,
красоту нерукотворную вершит.
Страх рождает высота.
Внизу джайлоо.
Золотистый луч
прошьет густой туман.
Меж сосновых перевалов
ходит снова
за несчетною отарою
чабан.

II

Чабан с нетерпением сумерек ждет.
Гора за горою шагают гуськом.
И груз облаков
над собою несет
вершина,
что занята вечным трудом.
И овцы сбиваются в кучу.
Взгляни —
руно распласталось по травам в горах.
И, к утренней жатве готовясь,
они
серпы желтозубые точат впотьмах...

III

Одевшись в чапаны из сажы,
хохочет тьма,
в глаза глядит...
Собачий лай не слышен даже —
так ветер северный свистит.
Ни зги не видно в целом свете.
И овцы вполостились в миг.

Перекрывая тьму и ветер,
проносится
двустволки
крик...

IV

С ружьем не расстаётся
ночи напролет
чабан,
а днем в руках —
простая палка...
Средь вьюг
и средь буранов
человек живет.
Чтоб выпас отыскать —
нужна смекалка.
Глаз острота и сила
всегда нужны в горах.
Стихия в поединке вечном с нами.
Пускай порою в сердце у нас
гнездится страх —
но в дружбе мы всегда живем с горами.

ДУМА О РОДИНЕ

Где-то зелень прорастает,
бродит дождь среди лугов...
Где-то снег весенний тает
у Балтийских берегов...
А у нас —
бушуют краски,
звездным сполохам сродни.
Сердце бьется,
словно в пляске,

чаще,
чем в иные дни.
Ледники крошатся звонко
и к подножью
с дрожью мчат.
Ручейки запели тонко.
Реки
тиграми
рычат...
К облакам уходят яки,
сами,
словно облака.
Жизнь у трактора-трудяги
в эту пору нелегка...
Крылья пастбищ не помяты,
хоть отарами полны.
И с арканов жеребята
рвутся прямо в табуны.
Жарок новый день
и ярок.
Люди вышли на поля.
Солнечны
бока
у яблок.
Подрумянска Земля.
Наша Родина огромна.
Где-то зябкий посвист вьюг.
Где-то дождь шуршит укромно.
Где-то переспел урюк...

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

...И тропы не видно этой ночью.
На груди коня застывший пот.
Разрывая снег тугой на клочья,
путник все равно летит вперед.

В мертвом небе нет луны заветной.
По бокам лишь мутных скал оскал.
И от этой ночи беспросветной
чалый иноходец черным стал...

Путь опасен.
Но крепка уздечка.
Всласть бурану власть отведена.
Зябкий дышит на руки, у печки
сидя...
Ночь бескрайна и темна.

Ноют ноги слабого от стужи,
хоть сидит у самого огня...
Путник мчит, дорогу обнаружив,
чутки уши резвого коня.

Снежные усы развесит холод
тальникам и тополям кругом.
Малодушный,
если даже молод,
в ночь такую станет стариком...

Свет в домах.
А за спиною — поле.
Свет в домах.
Окончен трудный путь...
Неразрывны молодость и воля,
волевой не старится ничуть...

КЛОД И ХИРОСИМА

Тридцать с лишним лет с тех пор прошло,
но забыть об этом невозможно!
Человек к добру стремится...
Зло...

Зло за ним крадется осторожно.
Если хочешь ближнему добра —
друга пожелай ему с утра...

...И Клод Изерли, конечно,
любил человечество внешне...
Здоровался с каждым встречным
и вел спокойные речи.
Наверно, любил кого-то.
Как все, ходил на работу.
Под вечер в дом возвращался.
И в зверя не превращался...

...
Когда рассеялся туман
и небо стало синим,
когда прорезалась земля,
деревья,
сад,
цветы,
когда проснулась под крылом
ребенком
Хиросима,
в наушниках взревел приказ,
приказ из пустоты...
Смола окрасила рассвет,
и покачнулось небо.
И расплескалось море бед
без края под крылом.
И не дотянется уже
теперь рука до хлеба.
Бумагой вспыхнули дома.
Зола.
Зола кругом...

...
Над Хиросимой —
не самолет.

Над Хиросимой —
летающий змей.
Над Хиросимой —
в облаке Клод.
Над Хиросимой —
души детей.
Над Хиросимой —
тени теней.
Над Хиросимой —
призраки дней.
Над Хиросимой —
не Изерли Клод.
Над Хиросимой —
изверг плывет...

.
Как раскрытая роза,
была красива
предутренняя
Хиросима...

.
Нет,
не строителем был этот Клод —
американского флота пилот...
Храм Артемиды
спалил Герострат.
Но геростраты
не знают утрат.
Только теперь
Герострат многолик...
Нет Хиросимы.
Сгорела за миг.
Над Хиросимой
горит не звезда.
Над Хиросимой
несется беда.
Крест самолета.

Пилот без креста.
Клод,
отвечай —
твоя совесть чиста?

Пламя-зверь-пожиратель
человеческих судеб,
рук,
листвы
и домов...
Память прошлое судит.
Память не саксаул —
не спалит ее время.
Хиросима встает,
сбросив черное бремя.
Зарождается жизнь
впереमेжку с золою...
Хиросима жива.
Но какую ценою...
Те, что позже придут,
не забудут об этом.
Вспомнят вздох.
Вспомнят миг.
Вспомнят возглас планеты...
Дети — как пауки,
как летучие мыши —
бьются в стрехи души —
неужели не слышишь?
Это — скорбь матерей
над спаленной землею
черным камнем легла
и живою золою...
Пусть потомкам
потом,
сквозь века и нантя,
только мифом покажутся

эти события...
Но стоят на Земле
эти черные знаки —
Хиросима стоит,
и стоит Нагасаки...

ДЖОРДАНО БРУНО

Судьбу не разделить на части,
она опасна и сложна...
Неаполь счастлив
и несчастлив,
припоминая имена.
Неаполя я память трону —
не смог он сына уберечь,
на голову самой Горгоны
обрушившего страшный меч.
Тот меч — познание.
И семя
он в темный разум заронил.
Он негибает был.
И время
то смутно опередил.
Тернистый путь его прервался...
Взлетев,
как над толпою крик,
он на века лучом остался,
пространство осветив на миг.
Ну, что тогда,
скажи на милость,
немой Неаполь сделать мог,
когда в застенках справедливость
и на кресте распятый бог?
Тьма распростерла над веками
свои смертельные крыла.

Ужель Земля
лишь только камень,
и сердце навсегда сожгла?
Бледнели от испуга лица,
свободу метили кресты,
когда в потемках инквизиций
пылали смрадные костры.
Неаполь не залечит рану —
не смог он сына уберечь.
Но не сгорел в костре Джордано —
ведь разум
невозможно сжечь!

АГАСФЕР

Куда же уводит дорога эта?
Дожди упруги.
Снега чисты...
Закаты сменяются
и рассветы.
У каждой эпохи свои приметы,
у человека —
свои черты.

Привет тебе,
пустыня глухая!
Привет тебе,
большая река!
Привет тебе,
вода ключевая!
Привет тебе,
волна молодая,
ты вечно празднична
и звонка!

Мелькают пристани,
аэропорты.
Над миром звезды —
огни в глазах.
Красивая женщина смотрит гордо.
И дымкою синей
укрыты горы.
И молния —
подписью в небесах...

А я живу
по своим законам.
Я не похож
на ваш краткий сон.
Там,
где владения Аполлона,
ждут меня музы из Геликона...
Быть странником вечным
я обречен.

Я стану песнею над веками.
Дождем
над степью сухой прольюсь.
Я стану трещиною на камне...
В пространство
впитываясь по капле,
пространством этим я становлюсь...

НОЧНАЯ БАБОЧКА

Нахожусь я на джайлоо.
Зарождаются стихи...
Капли света золотого
с лампы капают, тихи.
Тишина ютится в юрте.

Но ворвется ветерок,
и цветком
живым и юрким
в лампе вздрогнет огонек.
За стеной колышет лето
крылья горной темноты.
И, притягиваясь к свету,
вдруг ко мне влетаешь ты...
Ночь светилами мерцала.
В лампе слабый свет мерцал.
Ты мне другом тихим стала.
Кем тебе,
скажи,
я стал?
Что тебя к огню толкало —
ты причину назови...
Может, так же горевала
об огне своей любви?
Эту лампу окружает
море звезд
и море тьмы.
Слабый отблеск отражает,
как с тобой кружимся мы.
Одинаково устали
в круговерти бытия.
Нам надежду
силы дали —
и у каждого своя.
В нас любовь святая бьется.
Обгоришь?
Не обгоришь?
И Землею
вокруг Солнца,
вокруг лампы ты летишь...
Обгорают раньше срока
наши крылья и сердца.

Почему судьба жестока
к тем, кто любит до конца?
Счастье
душу рвет на части.
Бьется в лампочку судьба.
Мы в огне любви от счастья
можем сжечь самих себя...

ДВЕ ЛИНИИ

О землю головою
конь перед смертью бьет,
о жизни пролетевшей
он горько слезы льет.
А беркут понимает —
оборвалась судьба —
с разлета ударяет
о скалы сам себя...
А человек на грани
бездонной темноты
потомкам поверяет
заветные мечты...

Родится жеребенок
и, через десять лун,
в глазах огонь играет,
и рвется он в табун.
Птенец скорлупку сбросит,
на лапки встанет сам.
Еще не оперился,
а рвется к небесам.
Малыш лишь только-только
появится на свет,
кричит,
шагнуть стараясь
за взрослыми во след...

ОТКУДА?

Весна — пора труда,
забот,
хлопот.
Отцвел урюк.
Образовался плод.
Вот стрекоза
над травами плывет,
напоминая чем-то вертолет...
Ты жаворонка слышал на рассвете —
где научился он руладам этим?

От радости сияет каждый миг
мое лицо.
И каждый день велик.
Жизнь дарит нам сомнение
и боль,
удачу,
радость,
нежность
и любовь.
Прислушайся к ночному соловью —
где взял певец мелодию свою?

Умом пытаюсь я постичь простор,
который дарят мне вершины гор.
Прохладу сеют крылья ветерка.
Пьянящий запах рвется от цветка.
Леса,
сады,
хлопковые поля —
что может подарить еще земля?

Жизнь дарит годы нам не просто так.
Не надо тратить время на пустяк.

Джигиты силу у земли берут.
Взамен ей отдают
свой честный труд.
Откуда солнце столько сил берет,
что все тепло Вселенной отдает?

ГОРЫ

Вершина сквозь марево — лотос.
Над ней облаков полоса.
Туда добегают автобус
за три с половиной часа.
Касаются самого неба
с орнаментами колпаки.
Друзьям похвалиться нелепо,
чужим показать не с руки...
Здесь реки прозрачны, как вера.
Их жаждут объятья равнин.
Порой застревает Венера
меж двух оголенных вершин.
Здесь есть перевалы такие,
что если ты их перейдешь,
упрешься в шатры зоревые
и звезд сколько хочешь нарвешь.
Стоят великаны бессонно,
их волос —
жемчужная нить.
И в них отражается солнце,
чтоб после весь мир осветить.
Подобных вершин больше нету.
В веках не редет их ряд.
Им лоб освещают рассветы,
в затылок закаты глядят...

ОКЕАН

Океан, ты с веками не таешь.
Всё, что видел, от нас не тай...
Ты истории книгу читасшь,
а не волны листаешь свои...
Пред твоею громадой мелькало
человеческое бытие.
И века,
и эпохи сжигало
белогривое пламя твое.
Ты ведешь бесконечные споры
с ураганами материков.
Сотрясая громадные горы,
ось земную ты сдвинуть готов.
Как в живые и толстые стекла,
в твои воды стучаться готов.
Твои волны,
как прочные седла,
для извечных батыров-ветров.
Твои корни
и крепки,
и цепки,
просочились в земную судьбу.
И эпохи, как мелкие щепки,
ты носил на всесильном горбу.
Твои древние пылкие песни
еще молоды и горячи.
Солнце смотрится из поднебесья,
в твои воды, качая лучи.
В берега ударяет упрямо
не волна —
зоровой небосклон.
Твои
волны,

как
кардиограмма,
отмечают бисные времен.
Не тускнеют твои зодиаки,
а все ярче и ярче горят.
Твои волны —
твои аргмаки,
о бессмертии нам говорят.
Океан, ты с веками не таешь.
Все, что видел, от нас не тай...
Ты истории книгу читаешь,
а не волны листаешь свои...

КАРА-ШОРО

Дуги-позвонки
выломав у гор,
вдоль ревущих рек
мчит дорога вечно.
А из-под арчи
старой
с давних пор
маленький родник
вниз течет беспечно.
Сердце вверх
и вниз
скачет между тем,
сбросив груз тоски,
покорясь простору.
В сторону горы
жизнь спешит зачем?
Кем сотворены
были наши горы?
Беркута крыла
прошуршат во мгле.
Ель в него

стрелой
целится устало.
Ставит он гнездо,
но не на земле,
ставит он гнездо
на высоких скалах...
Видели арчи
сель,
дожди
и снег...
Видишь,
как стволы
бледные белеют...
Корни их навек
в камень вплетены.
Мертвые они,
а падать не умеют!
Бьет ключом поток,
пенясь и ворча,
Камень, словно щит,
охраняет воду.
Позовет к себе
вечная арча.
Слой былых эпох
обнажит природа...

СПОР

«Не рвись,
твоя лошадь слаба!
В ночь ехать тебе не судьба.
Река разлила свои воды.
Слаба твоя лошадь,
не рвись!
Прошу,

хоть рассвета дождись!
Утихнет пускай непогода...
Сель срезал всю кромку горы.
Течения воды быстры —
тебя,
словно щепку,
утянет...
Терпение надо иметь,
чтоб ночью доехать суметь.
Дождись, пока солнце не встанет

Не слушает, мечется дочь
и рвется в ненастную ночь.

«Спасибо тебе за совет.
Не скоро наступит рассвет.
Пусть ночь,
словно сажа,
черна,
должна я уехать, должна!
В больнице лежит моя дочь.
Должна я хоть чем-то помочь.
Должна я увидеть ее.
Измаялось сердце мое...»

В глазах у старухи мольба:
«Слаба твоя лошадь, слаба!
Река разлила свои воды.
Рассвета дождись и погоды.
В ночь ехать тебе не судьба.
Не рвись!
Твоя лошадь слаба!»

А ветер в горах завывал.
А спор превратился в скандал.
В запале неистово спорят

мать с дочерью.
Общее горе.
В глазах у обоих печаль.
И каждой дитя свое жаль...

МОЙ ГОРОД ОШ

Промелькнула,
вечно светла,
взмахом ласточкиного крыла,
моя молодость —
буйный век.
Ах, какой у него разбег!
На пути обратить он смог
камни — в золото,
дюны — в песни,
почву — в цветок...
Только в памяти,
ни на кого не похож,
окрашенный рассветом
встал мой город Ош...

Коль поглядеть —
видна издалика
скала большая
в форме колпака...
Спешит куда-то с самого утра
Верблюд-гора.
На фоне облаков
горбы
качаются,
как линии судьбы...
Спешит гора
дорогой вечной, длинной —
спускается
в Ферганскую долину...

Мой город столько помнит о себе.
Немало было страшного в судьбе.
Беду пыталась
обогнать беда.
И, словно сель,
ее несла орда.
Арбузы помнят сабельную твердь.
А виноград
и виноградарь —
смерть...
Набсги.
Пыль до неба.
Стук копыт.
Развалины...
Но снова Ош стоит.

Прошло веков немало.
И теперь —
друзьям мой город открывает дверь.
Я сплю в саду.
И в отсветах луны,
как яблоки,
ко мне слетают сны.
Рассвет ворвется,
словно аргамак,
на крыльях солнце принесет,
как мак...
Со сказкой спорит наш двадцатый век —
огромный лайнер начал свой разбег.
Все город о себе
расскажет мне,
когда с ним окажусь наедине.
Зимой и летом,
он всегда хорош —
мой древний город —
молодой мой Ош!

В ТРУДНЫЕ ДНИ

Памяти дяди Бейшебая

Мы — сироты.
Над страной вьюга.
Нелегка голодная судьба.
Вытирая слезы друг у друга,
утешали сами мы себя...
Чем мы перед жизнью виноваты?
Отчий холм травой позарастал...
Нас, мальчишек, —
и меня, и брата,
дядя в дом к себе тогда забрал...
Кровь родная.
Кто ж еще поможет...
Общий хлеб
и общая беда.
Так с его детьми мы были схожи,
словно яйца одного гнезда...
Никогда знаком он не был с ленью.
Труден хлеб.
Работа нелегка.
В зной он был раскидистой тенью,
в стужу был, как пламя очага...
Наша мама умерла до срока.
И спасибо дяде моему —
никогда не слышали упрека,
словно родились в его дому.
Мы, как остальные дети жили,
позабыв понятие «нужда».
И слова его теплее были,
чем одежда наша,
чем еда...
Помню все,
хоть годы миновали...
Позади и горе, и беда.

Мы ему не пасынками стали —
сыновьями
стали навсегда.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Сын сегодня сделал
самый первый шаг.
Пусть же мирным будет
неба синий стяг.
Маленький ребенок
падает,
встает,
силу обретая,
движется вперед...
По зеленым травам,
около реки,
он бежит с друзьями
наперегонки.
В поле мяч футбольный
гонит.
А в лесу,
среди цветов глазастых,
ловит стрекозу.
Гнезда на обрывах
ищет.
Скот
пасет.
С гребня вдруг помашет,
видя самолет...
Подрастает.
Крепнет.
Наступает час —
по звонку бежит он
в школу,
в первый класс.

Из него,
я верю,
вырастит джигит.
На тропе свою он
песню сочинит.
Осени и весны
мчатся чередой.
По плечу теперь
ему рубеж любой.
Верю,
что осилит
в жизни перевал,
трудную дорогу,
топи
и обвал...
И однажды утром,
босиком пройдясь,
он с землей навечно
обнаружит связь.
Знайте,
постоянно плодоносит сад,
если над землею
мир и свет царят.
Сын сегодня сделал
самый первый шаг...
Люди!
Пусть же будет
мирным
неба стяг!

ДЕВУШКА, ИДУЩАЯ ПО ВОДУ

Дождь осенний мерно льет.
Хмарь над головою.

Вижу — девушка идет
от реки с водою...

Но джигит навстречу вдруг
Выбежит к ней где-то.
Он ведро возьмет из рук,
зазвенят браслеты.

Усики его чуть-чуть
инеем покрыты.
Девушка с ним держит путь
по селу открыто.

Травы желтые шуршат.
Мочит дождь рубашки.
По воде в ведре спешат,
бегают мурашки...

Пусть вокруг осенний мрак,
но светлы их лики.
Слышен громкий лай собак
и людские крики...

Дождь осенний мерно льет.
Хмарь над головою.
С милым девушка идет
от реки с водою...

ПРИЗНАНИЕ

Звучит приветливо для всех
твой сладкий,
твой прелестный смех.
Выпархивает из-за туч
улыбка,

словно солнца луч.
Но взгляд твой,
устремленный вдаль,
таит неясную печаль.
Он так не вяжется с твоим
веселым нравом огненным...
Порой мелькнут в глазах твоих
две молнии.
Я вижу их.
И хочется вдруг, не тая,
сказать:
«Ты — милая моя...»
Кому дано развеять грусть
пока сказать я не берусь.
И с чьей судьбой когда-нибудь
твоей судьбы сольется путь...
Слова — серебряный звонок,
сквозь шум любой услышать смог.
Зрачки,
как роднички...
Вода —
прозрачна,
празднична всегда...
И птицу из волшебных стран
напоминает мне твой стан.
Узнав тебя, любой джигит
не спит,
теряет аппетит...
К лицу тебе любой наряд.
Твой взгляд —
спасение и яд.
Как хочется мне быть смелей —
обжечься юностью твоей...

ЕСЛИ САМА НЕ ВЕРИШЬ

Если ты не веришь,
что зимой замерзает родник,
что в озерах рыба живет,
что к саду птенец привык,
что акация зацветет,
что из семя взойдет росток,
что жизни равна смерть,
что солнце восходит в срок,
то и слову «правда»
тогда не верь...

Значит болью
стала любовь.

А любовью моей
стала боль.

Этой болью
любовь измерь,
и не верь мне тогда,
не верь!

ПРИДУ К ТЕБЕ

Ноги в кровь я истер на нелегком пути.
Мне зрачки притупила усталость.
Мое сердце, как птица, кричало в груди.
Сколько суток до встречи осталось?

Дремлют горы.
Бесстрастны они ко всему.
Там я брел, где дорог еще нету...
Словно луч, разрезая крошечную тьму,
я спускался со звездным букетом.

Думал я, что надежда сумеет помочь
превозмочь ожиданье рассвета.
Я спешил к тебе сквозь эту темную ночь,
мое сердце сгорало кометой...

НОЧНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Звезды с неба падают на землю.
И влюбленные свиданий ждут.
По ночам сердца друг другу внемлют,
избавляясь от житейских пут.

Пеструю змеей скользит тревога,
омрачая мой грядущий день.
Милая!
Какая ждет дорога?
Эта мысль за мной бредет, как тень.

Смутное сомнение тревожит
эту полночь.
И свербит в груди.
И раздумье сердце мое гложет.
Что нас ожидает впереди?

Нас с тобою ожиданье свяжет.
Бредит ночь блуждающим огнем...
По каким дорогам путь наш ляжет?
В одиночку ли уйдем?
Вдвоем?

Я стою.
Курю.
И ветер круто
бьет в лицо от лесополосы...
И годами кажутся минуты.
И веками кажутся часы...

ТВОЯ МЕЛОДИЯ

В моих зрачках
ты — светлый лепесток.
Глаза мне застит
синий твой платок.
Моя соловушка,
куда ты улетела?
Твой перелив
в моем саду умолк...
Я без тебя,
смуглянка,
не пою.
Бескрылой птицей
на земле стою.
Но только знай —
в любом многоголосье
я различу
мелодию твою...
Любовь еще горит,
хоть дни пусты.
Все бабочки
покинули цветы.
Мелодия одна пылает в сердце —
мой жаворонок смуглый,
где же ты?
Я каждый звук твой с жадностью ловил.
С тобою б вместе
в небо воспарил.
И сколько б раз
ты крыльями взмахнула,
я столько б раз
те взмахи повторил...
Ищу на солнце.
Тает дней клубок.
Ищу среди лунных

ласковых дорог.
Ищу тебя в горах,
ищу в пустынях...
Ну, где ты,
мой журчащий ручеек?
Зову тебя и солнцем,
и теплом.
Моя душа
пустеет с каждым днем...
Быть может,
это ты прошелестела
листвой дрожащей
под моим окном?..

ЗАКОНЧЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Тетрадь закончена.
Пора поставить точку.
На лист последний голову склоню.
Здесь жизнь моя,
вся до единой строчки.
В ней все до запятой я сохраню.
Мы с ней порою до утра сидели.
Листы ровны, как белые поля...
Над нею мои волосы седили.
Как борозды,
врезал здесь строки я...
Наткнувшись на невидимые камни,
тупились мысли
и карандаши.
Я находился в будущем
и в давнем
в миг перевоплощения души.
Промчались дни.
И годы пролетели.

И чаще с грузом,
реже налегке,
усталый путник,
шел я еле-еле
к последней,
завершающей строке.
Порой, как птица плавная,
кружится
шальная мысль всенощно надо мной...
Порою эта белая страница
мне кажется железною плитой...
Границ не знала муза и предела.
Из года в год союз крепился наш.
Порою так рука моя немела,
как будто лом держал —
не карандаш...
Закончена тетрадь.
Пора итожить
все, чем я жил,
страдая и скорбя...
Порадуюсь стихам я?
Или, может,
я опечалюсь,
завтра их прочтя?

СОДЕРЖАНИЕ

Киргизстан	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Ночные раздумья	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Снова горы	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Обязанность	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Когда я ехал в горы	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Голос земли	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Ода Родине	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Человек. Земля. Вудущее	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Вечерний пейзаж	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Сердце планеты	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Моя эпоха	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Что богатство?	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Иссык-Куль	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Жизнь	.	.	.	.	.	.	.	.	.
О земле	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Мой конь	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Когда приезжаю в родное село	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Воспоминание фронтовика	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Встреча с родным краем	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Жаворонок	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Есть любовь!	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Ода сердцу	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Слова	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Законы жизни	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Дехканин и поле	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Непознавшая материнства	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Раздумья	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Будь смелей!	.	.	.	.	.	.	.	.	.
В горах	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Дума о Родине	.	.	.	.	.	.	.	.	.
В зимнюю ночь	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Клод и Хиросима	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Джордано Бруно	.	.	.	.	.	.	.	.	.

Агасфер	44
Ночная бабочка	45
Две линии	47
Откуда?	48
Горы	49
Океан	50
Кара-Шоро	51
Спор	52
Мой город Ош	54
В трудные дни	56
Первый шаг	57
Девушка, идущая по воду	58
Признание	59
Если сама не веришь	61
Приду к тебе	61
Ночные ожидания	62
Твоя мелодия	63
Законченная тетрадь	64

Кармышак Ташбаев

ВРЕМЯ — СКАКУН

Стихи

Рецензент А. И. Никитенко
Редактор Р. Горбачева
Художник Ф. Сельская
Худож. редактор К. Сейталиев
Техн. редактор К. Бурганакова
Корректор А. Алымкулова

ИБ 1610

Сдано в набор 22. 06. 1981 г. Подписано к печати 23.10. 1981 г. Д.— 02055. Формат бумаги 70×90 1/32. Бумага типографская № 1. «Литературная» гарнитура. Печать высокая. 2,125 физ. печ. л. 2,486 условн. печатных листа. 3,041 учетно-изд. л. 2,705 усл. кр. отт. Тираж 3000. Заказ 1856. Цена 30 коп.

Издательство «Кыргызстан»
720737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Чуйское производственное объединение «Полиграфист»
Государственного комитета Киргизской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
720616, ГСП, г. Фрунзе, ул. Карагандинская, 72.

30 К